

Меня учили тому, что католики при отсутствии католического храма могут принимать причастие в храме православном и наоборот. Однако встретил возражение: «Разрешается только присутствие на богослужении». Какова истина? Восточные Церкви, не находящиеся в полном общении с католической Церковью, обладают действительными таинствами, обеспеченными апостольской преемственностью. Однако существует тесная связь между церковным единством и таинственным единством, поэтому в целом здесь действует правило: католические священнослужители преподают таинства законным образом только католикам, а католики, в свою очередь, принимают таинства законным образом только от католических священнослужителей, и наоборот. При этом католическая Церковь допускает общение в таинствах – особенно Евхаристии, покаяния и помазания больных – с другими Церквями и церковными общинами при определенных условиях.

†

Такой подход основан на 844 каноне Кодекса канонического права, соответствующего канону 671 Кодекса канонов Восточных Церквей: «Всякий раз, когда этого требует необходимость или к этому склоняет подлинная духовная польза, причём отсутствует опасность заблуждения или безразличия, тем верным Христу, которые физически или морально не могут обратиться к служителю католику, позволяется принимать таинства покаяния, Евхаристии и помазания больных от служителей некатоликов, в Церкви которых вышеуказанные таинства существуют действительным образом. Служители католики правомочно преподают таинства покаяния, Евхаристии и помазания больных членам Восточных Церквей, не находящимся в полном общении с католической Церковью, если последние сами о том попросят и будут настроены подобающим образом».

Это общее правило. А епископские конференции разъясняют это правило в применении к местным условиям. Вот, к примеру, какие нормы разработаны епископской конференцией Италии: таинства могут преподаваться верующим православным, которые проявляют «веру, полностью соответствующую вере католической Церкви в области того таинства, о котором они просят, и при наличии серьезной духовной потребности в нем для вечного спасения. Эта потребность относится к более тесному единению со Христом, а значит, подразумевает более глубокую приверженность к

Христовой Церкви». Если верующий имеет подлинную веру в данное таинство и серьезную духовную потребность, если он имеет соответствующее намерение и должным образом подготовлен к плодотворному принятию освящающей благодати, то он может приступить к таинству в католическом храме.

Но когда мы рассуждаем о возможности причащения в православном храме, нужно учитывать мнение православной стороны. Об этом гласит и 5 параграф вышеприведенного канона: «Епископ или конференция епископов не должны предписывать общих норм без предварительной консультации с правомочной властью (по крайней мере, местной) некатолической Церкви».

Посмотрим, например, что о такой практике говорится в документах Русской православной Церкви. В документе «Основные принципы отношения РПЦ к инославиям» (2000 г.) говорится, что «диалог с Римско-Католической Церковью строился и должен строиться в будущем с учетом того основополагающего факта, что она является Церковью, в которой сохраняется апостольское преемство рукоположений». В то же время, в другом параграфе читаем: «Единство Церкви есть прежде всего единство и общение в таинствах. Но подлинное общение в таинствах не имеет ничего общего с практикой так называемого «интеркоммуниона». Единство может осуществиться только в тождестве благодатного опыта и жизни, в вере Церкви, в полноте таинственной жизни в Духе Святом». Это положение по своей сути не противоречит подходу католической Церкви, если под термином «интеркоммунион» подразумевать совместное совершение таинства Евхаристии.

Вот, что говорит на эту тему Катехизис католической Церкви: «Чем более болезненно ощущаются разделения Церкви, разрывающие общее участие в Господней Трапезе, тем более настойчивыми становятся молитвы к Господу о том, чтобы вновь наступили дни полного единства всех, кто верует в Него. Восточные Церкви, которые не находятся в полном общении с католической Церковью, совершают Евхаристию с большой любовью. Эти Церкви, хотя и разъединенные с нами, обладают истинными таинствами, особенно, в силу апостольского преемства, священством и Евхаристией, которые тесно связывают их с нами. Некоторое общение в таинствах (*in sacris*), а значит, в Евхаристии, «не только возможно, но даже рекомендуется при благоприятных обстоятельствах и с одобрения церковных властей» (ККЦ 1398).

Здесь уместно будет привести выдержки из публикации итальянского историка Джованни Гуайты (ныне – иеромонаха РПЦ) об отношениях между католичеством и православием, опубликованной Регенсбургским Восточным институтом.

«Поскольку Католическая Церковь имеет то же самое богословие и те же самые таинства, что и Восточные Церкви, – пишет Джованни Гуайта, – в странах, где существовали разные общины, всегда имело место определенное смешение и сакраментальное общение. В странах, где присутствовала одна лишь католическая или только православная Церковь, верующие той Церкви, которой не было на данной территории (путешественники, паломники, купцы и другие) допускались к таинствам. В 1729 году Конгрегация «De Propaganda fide» публикует декрет, согласно которому таинства, преподаваемые вне общения с Римским епископом, считаются недействительными, а также категорически запрещается таинственное общение между католиками и «еретиками» из любой другой Церкви».

«Реакция православных на события 1729 года была неоднозначной. Церкви

византийской традиции (Вселенский Патриархат, Антиохийская, Александрийская, Иерусалимская, Греческая и другие Церкви) в 1755 году отлучили католический Запад, говоря: «Когда кто-либо из вас придет к нам, мы будем относиться к нему как к язычнику». Однако реакция Русской православной Церкви была иной. В 1757 году, всего два года спустя после реакции «греков», невзирая на тяжкий кризис, вызванный развитием униатских Церквей, русские заявили, что они готовы принять христиан Запада: «Когда кто-либо из вас придет к нам, мы готовы принять его после произнесения Символа веры». С тех пор исповедание веры (то есть Кredo без «Филиокве») остается условием для католика, желающего присоединиться к православию. Русская Церковь подтвердила эту позицию и в XIX веке (митрополит Филарет), в первой половине XX века (митрополит Сергей) и в том же духе восприняла приглашение Второго ватиканского собора к возможности *communicatio in sacris*: определение Священного Синода от 16 декабря 1969 года гласит о допущении католиков к Таинствам».

Существует также документ 1970 года – «Разъяснение председателя Отдела внешних церковных сношений МП митрополита Никодима о невозбранном допущении к святым таинствам старообрядцев и католиков»: «Священный Синод, принимая это постановление, руководствовался практикой в жизни Русской православной Церкви в СССР, когда члены старообрядческой Церкви, имеющей трехстепенную иерархию, а также члены Римско-Католической Церкви в случае болезни или по иной причине обращаются к священнослужителям Русской православной Церкви с просьбой о духовном утешении и за совершением святых таинств. (Это может быть в тех случаях, когда последователи старообрядческого и католического исповеданий не имеют возможности обратиться к священнослужителям своих Церквей.) В таких случаях духовенству Русской православной Церкви надлежит проявлять пастырскую заботу и преподавать нуждающимся духовное утешение и святые таинства. При этом следует иметь в виду, что православная и католическая Церкви имеют одинаковое учение о святых таинствах и взаимно признают действенность этих таинств, совершаемых в них».

«Вплоть до середины 80-х годов русская Церковь регулярно оказывала евхаристическое гостеприимство католикам (местным или приезжим), поскольку на территории СССР было трудно найти католического священнослужителя. Однако эта практика впоследствии была прекращена по настоянию Константинопольского Патриархата – «с тем, чтобы дать время принять ее другим православным». Постановление Священного Синода от 27 июля 1986 года отменяет практику евхаристического гостеприимства католикам, однако его текст, может быть, и намеренно, остается неясным: там говорится, в частности, что «эта практика не получила развития», а это оставляет место для самых разных интерпретаций. Вероятно, именно поэтому некоторые православные священнослужители и после 1986 года продолжали преподавать таинства католикам, обращавшимся к ним с такой просьбой», – пишет Иоанн Гуайта.

Подводя итог всему сказанному, можно сделать такие выводы: что касается православного, желающего принять таинства в католическом храме, то католический священник, согласно каноническому праву католической Церкви, не может отказать ему в этом, «если последний сам о том попросит и будет настроен подобающим образом» и «когда этого требует необходимость или к этому склоняет подлинная духовная польза, причем отсутствует опасность заблуждения или безразличия».

Если же, наоборот, католик желает причаститься в православном храме, то ему

Может ли католик причащаться в православном храме и наоборот?

Аўтар: Радио Ватикана
25.01.2015 01:00

следует известить православного священника о своем желании принять Евхаристию. Нельзя утверждать о существовании единой для всех православных дисциплины по этому вопросу, но практика показывает, что в большинстве случаев причащение католика в православном храме невозможно.